

СТРАНА СКАЗОК

ЗА ГРАНЬЮ
СКАЗКИ

Крис Колфер

Иллюстрации
Брэндона Дормана

*Перевод с английского
Алёны Щербаковой*

Издательство АСТ
Москва

**«Книги — это единственное в своём роде
волшебство, способное перенести
читателя куда угодно».**

Стивен Кинг

Пролог
Другой сын

Копенгаген, Дания, 1845 год

В уютном рабочем кабинете, за удобным письменным столом Ханс Кристиан Андерсен писал сказку.

— На высоком-превысоком дереве, что было выше всех колоколен в округе, маленькая одинокая пташка проснулась в своём гнезде, — прочитал он вслух первое предложение новой истории. Неожиданно тихое поскрипывание пера по бумаге затихло: писатель почесал затылок.

— Так, а почему это птица спала? — спросил он самого себя. — Разве она не должна просыпаться на заре вместе с другими пернатыми? Иначе её сочтут ленивой и недостойной уважения. А я хочу, чтобы читателям она нравилась.

Ханс скомкал пергамент и бросил его на пол в кучу таких же смятых листов с его предыдущими неудачными попытками. Затем писатель взял новое перо, подлиннее и потемнее, надеясь, что оно поможет ему придумать хорошую сказку.

— На высоком-превысоком дереве, что было выше всех колоколен в округе, маленькая одинокая пташка решила свить себе гнездо... — Автор осёкся. — Нет, раз она вьёт гнездо, читатели подумают, что она хочет отложить яйца, а потом решат, что это сказка о незамужней матери. Церковь станет обвинять меня в нечестивых намерениях... в очередной раз.

Ханс снова смял пергамент и швырнул на пол.

— На высоком-превысоком дереве, что было выше всех колоколен в округе, маленькая одинокая пташка искала себе пропитание... — Писатель закрыл глаза и простонал: — Нет, нет, нет! О чём я вообще думаю? Нельзя начинать сказку так. Если я напишу, что дерево было выше всех колоколен, какой-нибудь глупец сочтёт, что я сравниваю дерево с Богом, и тогда меня обвинят в богохульстве.

Автор вздохнул и кинул скомканный лист в кучу на полу. Тяжело, однако, жилось писателям в девятнадцатом веке, да ещё и в таком обществе.

Высокие напольные часы возле стола пробили шесть вечера. Ханс поднялся со стула первый раз за день.

— Думаю, надо прогуляться.

Взяв пальто и цилиндр, Ханс вышел из дома. Прохожие на улице узнавали господина Андерсена: стоило только завидеть его худощавую фигуру и длинный нос, как становилось ясно, что мимо прошёл знаменитый сказочник. Ханс вежливо приподнял шляпу, приветствуя тех, кто глазел на него, разинув рты, и прибавил шагу, пока они не начали ему докучать.

Наконец Ханс дошёл до променада Лангелинии и сел на свою любимую скамейку. Воды Эресунна переливались в неярком предвечернем свете. Писатель глубоко вдохнул солёный морской воздух и впервые за день расслабился. Это было излюбленное место Ханса для отдыха. Когда в голове роились идеи и он не мог сосредоточиться или у него не получалось придумать сюжет, прогулка по променаду всегда помогала освежить мысли.

Здесь, на лоне природы возле воды, он часто находил вдохновение. А порой ему улыбалась удача, и вдохновение находило его само.

— Здравствуйте, мистер Андерсен, — раздался рядом чей-то тихий голос.

Сказочник обернулся и увидел свою старую знакомую. Она носила голубую мантию, сверкавшую, как звёзды в небе, и была дружелюбной и приветливой, но в Дании не знала никого, кроме Ханса.

— Моя дорогая Фея-крёстная, рад вас видеть! — широко улыбнувшись, сказал Ханс.

Фея-крёстная села рядом.

— И я рада. Вас не было дома, поэтому я отправилась сюда. Снова не получается писать?

— Увы, да, — вздохнул Ханс. — Иногда слова льются из меня потоком, словно воды Нила, а потом я вдруг высыхаю, точно Сахара. Боюсь, вы застали меня посреди засухи, однако смею надеяться, что вскоре хлынет дождь.

— Не сомневаюсь, — сказала Фея-крёстная. — Вообще-то, я пришла вас поздравить. До нас дошли слухи, что ваши сказки издали в других странах. Мы с феями этому рады. Вы добились большого успеха, распространяя истории нашего мира. Мы вам очень благодарны.

— Это мне надо вас благодарить, — заметил Ханс. — Когда вы нашли меня в той ужасной школе в Эльсиноре, где я учился в отрочестве, я хотел раз и навсегда покончить с писательством. Но сказки, что вы мне рассказали, вдохновили меня как детей,

для которых они предназначались. Если бы не вы, я бы не стал продолжать писать сказки.

— Вы слишком много ставите нам в заслугу, — возразила Фея-крёстная. — Вы сами смекнули, как переделать наши сказки под ваше время, добавив в них религиозные мотивы. Иначе нынешнее общество их бы не приняло. «Гадкого утёнка», «Снежную королеву», «Русалочку» и другие сказки просто забыли бы, но вы сделали их вечными, на все времена.

— Кстати говоря, а как дела идут в сказочном мире? — спросил Ханс.

— Очень хорошо. Мы вступили в Золотой век. Моя дорогая Золушка вышла замуж за принца Ченса из Прекрасного королевства. Принцесса Спящая Красавица наконец-то пробудилась после страшного сонного проклятия. Белоснежка стала королевой Северного королевства вместо своей злой мачехи. С тех пор как драконов истребили, у нас ещё не было столько поводов для радости.

— Но, позвольте, лет десять назад я интересовался, как там дела, и вы ответили то же самое, — удивлённо проговорил Ханс. — Даже в детстве мне рассказывали такие же сказки. Сказочный мир, должно быть, застыл во времени.

— Если бы, — усмехнулась Фея-крёстная. — Ваш мир движется гораздо быстрее нашего, но я уверена, что однажды время станет течь с одинаковой

скоростью. Уж не знаю, как и почему, но это точно случится.

Ханс и Фея-крёстная наслаждались приятным видом променада и прислушивались к доносившимся отовсюду звукам. Вдоль берега медленно прохаживалась пожилая пара, маленькая собачонка гоняла чаек вдвое больше неё, отец вместе с сыновьями запускал на лужайке неподалёку воздушного змея, а их мать укачивала новорождённую дочь. Мальчишки смеялись, а порывистый ветер поднимал змея всё выше и выше.

— Ханс, вы помните, что в детстве приносило вам радость?

Сказочник ответил не задумываясь:

— Прогулки в таких вот местах, как этот променад.

— Почему?

— Потому что здесь в любой миг может случиться что угодно: на поле пройдёт парад, по небу пролетит стая птиц из тропических краёв или король чужедальней страны приплывёт сюда на большом корабле. Мне кажется, любой ребёнок счастлив, когда его воображение пускается в полёт.

— Какая любопытная точка зрения, — заметила Фея-крёстная.

По её опечаленному взгляду Ханс понял, что её что-то гнетёт. И, судя по заданному вопросу, дело было в ребёнке.

— Простите, — проговорил Ханс. — Я давно вас знаю, но никогда не спрашивал, есть ли у вас дети.

— Есть, — кивнула Фея-крёстная. — Два сына. Оба просто вылитый отец, мой покойный муж. Старшего зовут Джон — он очень счастливый ребёнок, любитель приключений. Постоянно заводит новых друзей и познаёт мир во всех его проявлениях. Все его очень любят.

Неожиданно Фея-крёстная замолкла.

— А другой сын? — спросил Ханс.

В один миг Фея-крёстная поникла и опустила взгляд.

— Его зовут Ллойд. Он младше Джона и... сильно от него отличается.

— Ясно, — сказал Ханс. Очевидно, он коснулся больной темы.

— Простите, — вздохнула Фея-крёстная. — Я не могу больше скрывать, как меня это расстраивает. Я всю жизнь помогала людям найти путь к счастью, но, что бы я ни делала, отыскать его для собственного сына не могу.

— Я так понимаю, у него сейчас трудный возраст? — Ханс не хотел совать нос не в своё дело, но он никогда ещё не видел Фею-крёстную такой растерянной.

— Да... Хотя не думаю, что у него это пройдёт.

Заговорив о сыне, Фея-крёстная уже не могла

молчать, а Хансу хотелось узнать больше. Он положил руку ей на плечо, и она начала рассказ.

— Должно быть, ужасно говорить так о собственном ребёнке, но, когда умер мой муж, в Ллойде словно что-то надломилось. Будто вся радость, что в нём была, умерла вместе с отцом. В последний раз я видела его улыбку в раннем детстве. Ему нравится проводить время в одиночестве, и он терпеть не может общаться с другими ребятами. Он почти не разговаривает, а если и говорит, то от силы пару слов. И он совсем не похож на Джона. Я вижу, что он несчастен, и боюсь, что он будет таким до конца жизни.

По щеке Феи-крёстной скатилась слезинка. Она достала платок из складок мантии и промокнула глаза.

— Есть же что-то, что ему по душе, — сказал Ханс. — Он чем-то увлекается?

Фея-крёстная задумалась.

— Чтением. Он постоянно читает, причём больше предпочитает книги вашего мира. Это единственное занятие, которое ему по вкусу, но я не до конца уверена, что оно приносит ему радость.

Ханс обдумал её слова. Ему всегда хорошо удавалось придумывать интересные развлечения для детей, а не решать их заботы. Он мысленно поставил себя на место Ллойда и попытался представить, что может его порадовать.

— Полагаю, только чтения ему мало, — сказал он, просияв. — Если его интересуют книги, можно расширить его увлечение.

— Что вы имеете в виду?

— Когда я был начинающим писателем, датский король отправил меня в странствие по Европе. Я путешествовал по Скандинавскому полуострову, проехал всю Италию и Швейцарию, побывал в Англии и вернулся домой. Я был несказанно рад увидеть своими глазами края, о которых прежде лишь читал в книгах. Но слова не описывают должным образом те чудеса, что я повидал. У меня на всю жизнь остались тёплые воспоминания о том путешествии.

Фея-крёстная не поняла, о чём он говорит.

— Джон тоже любит этот мир, а Ллойд наотрез отказывается выходить из своей комнаты, хоть я и зову его с собой.

Ханс поднял вверх указательный палец.

— Тогда попробуйте взять его туда, где ему точно понравится. Что, если отправиться с ним в мир одной из его книг? Быть может, ему не столь интересно читать об этом, а вот побывать там — совсем другое дело. Вот увидите, он снова начнёт улыбаться.

Фея-крёстная смотрела на море, будто ответ на давно терзавший её вопрос причалил к пристани, как корабль.

— Но подвластна ли мне такая магия? — задумчиво пробормотала она. — Я могу перемещаться между существующими мирами, а как создать то, чего нет? Как вдохнуть жизнь в слова?

Ханс посмотрел по сторонам, чтобы проверить, не услышит ли его кто-нибудь.

— Быть может, вам и не нужно ничего создавать. Что, если каждое существующее произведение — это мир, куда можно попасть? Возможно, вам суждено найти путь не только к счастью.

Предположение было таким заманчивым и волнующим, что Фея-крёстная даже немного испугалась, что оно сулит. Вдруг она может переместиться в любое произведение с такой же лёгкостью, как и в сказочный и Другой миры? Что, если она обладает силой превратить в портал любую книгу?

— Уже поздно, — заметил Ханс, поглядев на темнеющее небо. — Не желаете выпить со мной чаю? Наш разговор напомнил мне об одной сказке, которую я пишу, она называется «Сказка о матери»...

Ханс обернулся, но Фею-крёстную не увидел: она растворилась в воздухе. Сказочник посмеялся над её внезапным исчезновением. Видно, его задумка пришлась ей по душе, раз она решила не тратя ни минуты проверить, получится ли задуманное.

В последующие недели Фея-крёстная была сильно занята. Она заперлась в своих покоях во дворце и работала днём и ночью, тщательно составляя рецепт и подбирая ингредиенты для зелья, с помощью которого получится осуществить замысел Ханса. Фея-крёстная штудировала все книги заклинаний, учебники по зельеварению и колдовские сборники, что у неё имелись. Она изучала тёмную и светлую магию и историю магической науки.

Медленно и осторожно она добавляла один ингредиент к другому, будто ткала лоскутное одеяло. Все свои действия она скрупулезно записывала в книгу для заметок и постоянно сверялась с ней, чтобы не допустить ошибок. Наконец она нашла нужные компоненты и, соединив их, поставила смесь настаиваться под лунным светом на две недели. Когда зелье было готово, она перелила его в маленькую синюю бутылочку.

Разумеется, Фее-крёстной захотелось проверить, работает ли зелье. Достав с книжной полки томик «Франкенштейна» Мэри Шелли, она положила его на пол, открыла на первой странице и осторожно, по одной, капнула на неё три капли зелья.

Как только третья капля упала на страницу, книга засияла и из неё вырвался яркий луч света. Посколь-

ку в комнате не было потолка, луч озарил ночное небо, да так ярко, что свет было видно на много миль вокруг.

Фее-крёстной так не терпелось испробовать зелье, что она забыла об осторожности. Сжав в руке палочку, она шагнула в световой луч. Стены комнаты пропали, теперь её со всех сторон окружали слова.

Куда ни глянь, крутились, парили и скакали строчки текста. Некоторые слова и выражения показались Фее-крёстной знакомыми. Прямо на глазах у изумлённой волшебницы слова заполняли пространство вокруг, превращаясь в предметы, которые описывали, и становились объёмными, создавая новый мир.

И вот Фея-крёстная оказалась в дремучем лесу с тонкоствольными деревьями. Книга «Франкенштейн», из которой бил луч света, переместилась сюда вместе с ней. Волшебница опустила лицо в книгу и увидела по ту сторону свою комнату. Луч был порталом! Оставалось надеяться, что он переместил её куда нужно.

Вдруг тёмное небо осветила вспышка, и Фея-крёстная подскочила от неожиданности. На вершине холма виднелся громадный силуэт готического замка с башнями. При виде него у Феи-крёстной учащённо забилося сердце.